

Беляева, Е.В. Этика профессора этики / Е.В. Беляева // Этика профессора: вне-алиби-бытие». Ведомости. Вып. 39 / под. ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. – Тюмень : НИИ ПЭ, 2011. – С. 99–109. – 0,5 а. л.

ЭТИКА ПРОФЕССОРА ЭТИКИ

Призыв профессора В.И. Бакштановского обращен к сообществу экспертов, которые являются не просто профессорами, но профессорами этики. С одной стороны, способность этого сообщества выдвигать этические декларации наиболее велика, а с другой есть некоторое сомнение в праве группы экспертов говорить от лица всего профессорского сообщества. Поисковый запрос «этика профессора» в Интернете дает ссылки в основном на материалы медицинской тематики. Создается впечатление, что профессора из других областей знания не слишком отягощены моральными проблемами. И только те, кто понимает свою профессию как миссию, склонны интерпретировать собственный опыт в моральных терминах. В результате этику профессора берутся формулировать именно профессора этики, которые, казалось бы, безо всяких деклараций знают, в чем она состоит. «Этика профессора» в этой ситуации выступает как декларация о намерениях, направленная вовне, как манифест, обращенный к профессорскому сообществу в целом, которое потенциально заинтересовано в сохранении смысла своего существования и деятельности.

Кто есть профессор?

Идея реинституционализации этики профессора исходит из того, что существуют не просто группы профессоров, но профессура является социальным институтом, имеющим инфраструктуру, обеспечивающую его функционирование. Как свидетельствуют некоторые публикации¹, институт профессуры сложился на базе «ученого сословия» средневековья по мере становления университетов Нового времени. Он является институтом эпохи модерна и воплощает все базовые ценности этого дискурса: разум, от имени которого и выступает профессор; профессионализм, состоящий в постоянном совершенствовании в сложной специализированной деятельности и предполагающий исполнение особой, этически нагруженной миссии, а также поддержание эталона нравственного поведения. Общественное мнение неизменно приписывало профессорскому сообществу высокие добродетели независимо от

¹ 1. Тернер Р. Историзм, критический метод и прусская профессура с 1740 по 1840 год / пер. с англ. Т. Доброницкой. // <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/te3.html>

2. Никс Н.Н. Московская профессорская культура второй половины XIX – начала XX века // vo.hse.ru/attachment.aspx?Id=279

морального облика отдельных его представителей. Так сложился старый институт профессуры как специалистов высшей квалификации, особой касты «хранителей традиций», которой, как и всякой касте, были присущи не только добродетели, но характерные моральные пороки: высокомерие и барство. Хрестоматийный пример – профессор Преображенский – даже на фоне Шарикова отнюдь не выглядит безусловно положительным персонажем.

Последующее развитие системы образования в направлении ее демократизации привело к тому, что разница между собственно профессорами, доцентами и даже преподавателями перестала быть существенной, как в области должностных обязанностей, так и в этических установках. Об этом свидетельствует и постановка проблемы в данном проекте, при которой профессор – это собирательная метафора, объединяющая представителей базовых профессий научно-образовательной деятельности университета – преподавателей, научных работников, профессоров-администраторов. Таким образом «этика профессора» распространяется не только на высший слой преподавательского состава, но на достаточно широкий круг работников образовательной сферы, переживающих свою деятельность как значимую миссию. Тот, кто следует нормам профессорской этики и ориентирован на ценности «высокой профессии», тот и является современным профессором (в отличие от просто высокооплачиваемого служащего).

Если «этика – это то, что придумали этики», то этика профессора – это те нормы и ценности, которые выработали профессора, стремясь за счет следования им поддержать свой высокий статус. Как риторически вопрошал А.А. Гусейнов: «Кто может сказать профессору, что правильно, а что нет, когда он сам является человеком, устанавливающим границу между правильным и неправильным?!»². И эту границу он устанавливает не в силу особой личной добродетельности (которую всегда можно поставить под сомнение), но по причине развитой способности к самоопределению путем рефлексии над собственным статусом. Как писал Сенека: «все философы говорят не о том, как они сами живут, но о том, как надо жить! Я говорю о добродетели, а не о себе и веду борьбу с пороками, в том числе и со своими собственными. А когда смогу – буду жить как должно»³. Перманентное нравственное самоопределение профессора относительно своей деятельности и приводит к формированию его этики. Одновременно оно оказывается переосмыслением сущности Университета и Смысла образования. Таким образом, «ответственность не перед университетом, а за университет» является ключевой установкой этики

² Гусейнов А.А. Этика профессора или исповедь на заданную тему // Ведомости. Вып. 33 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень : ТюмГНГУ, 2008.?????

³ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луциллию // <http://www.psi.lib.ru/filosof/mseneka.htm>

профессора, относительно которой действительно, возможна только декларация, но не кодекс.

Что есть «не-алиби» профессора?

Выражение «отсутствие полного алиби» отсылает к М. Бахтину, который наделил этой характеристикой поступок. «Пафос моего участного не-алиби в бытии, это есть ответственное расширение контекста действительно признанных ценностей с моего единственного места»⁴. Многократно подчеркнутая единственность акта поступания становится у Бахтина обоснованием долженствования. «Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за своё бытие»⁵. Идея «не-алиби» ориентирует на сугубо личностное, экзистенциальное прочтение моральной проблематики, побуждает размышлять о ней в метафизическом ключе.

«Не-алиби» профессора предполагает, что он выступает как субъект морали, принимающий не только ситуативные, но и мировоззренческие решения. Кроме того, эти решения затрагивают самую суть его собственного существования. В этом плане этика профессора не является ни профессиональной, ни корпоративной, но экзистенциальной. С позиции глубинного «не-алиби» она противостоит любой корпоративности и профессиональной солидарности, является исключительно личностной этикой. В табели о рангах профессор – это не только должность, но звание, которое человек уносит с собой, даже расставаясь с должностью и университетской карьерой. Это обстоятельство подчеркивает, что этика профессора производится самой его личностью, а не институтом профессуры.

В современных условиях профессор, столкнувшись с понижением своего социального и материального статуса, с падением престижа и общественного значения своей деятельности, не находит особой поддержки в лице социальных институтов, будь то университет как корпорация или профессура как сообщество. Зато ответственная позиция «не-алиби» позволяет обнаружить самоценность деятельности по производству и трансляции знания. В отличие от профессиональной подготовки, которая должна быть функциональной и рыночно востребованной, чем и определяется ее назначение, «смысл образования и науки» имеет иной источник. Он не задан извне тому, для кого образование и наука являются способом существования, и кто сам определяет, в чём состоит профессорство как деятельность по производству их смысла. Соответственно нравственной обязанностью

⁴ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html>.

⁵ Там же.

профессора является поддержание своей специфической самоценной деятельности как способа существования, укрепление своей идентичности профессора этики.

Профессорство как способ существования с позиции «не-алиби» отличается от его трактовки и как профессии, и как миссии, исполнение которой возможно только в контексте «больших метанарраций». Ситуация постмодерна, в которую мы все более погружаемся, делает затруднительным обоснование идеи профессионального долга или идеи служения. На передний план выдвигаются понятия ответственности и креативности. Следовательно, этический проект профессора должен быть абсолютно индивидуальным, и сам профессор этики должен постоянно вырабатывать этическое знание, обслуживающее этот проект. Не только прикладная, но и вся по-настоящему современная этика предполагает выработку ноу-хау: не приложение уже готовых нравственных норм к новым ситуациям, а производство этического знания, необходимого в «текучей современности»⁶. Именно профессор этики производит личностные усилия в ситуации дефицита новых моральных идей.

Ныне живущие профессора этики вполне могут подтвердить это своим примером. Если академик А.А. Гусейнов интерпретирует свой опыт профессорства как приложение простых норм нравственности, то для читателя заметно, что сама способность видеть ситуацию как требующую морального участия присуща именно личности, которая создает вокруг себя поле этических смыслов. Реально действующий профессор этики, совершающий поступки вне алиби, становится точкой самоорганизации нравственной среды. Например, «сообщество Бакштановского» функционирует как дистанционное, но вполне реальное и этически организованное. Речь идет не о классическом феномене научной школы, но об объединении людей с разными теоретическими взглядами вокруг личностей, излучающих смысловые интенции, моральные пафосы, обладающих заражительной душевной энергетикой. Профессор вне алиби не столько воплощает нормы классической академической этики, запечатленные в кодексах, сколько изобретает новые способы правильной жизни, тем более что является специалистом в этом деле.

Каковы дилеммы?

Описание ситуаций нравственного выбора стало привычным способом осмысления морального поведения. Между тем, задумавшись над предложенными дилеммами, я обнаружила, что на практике они лишены особой остроты и проблематичности. Во-первых, потому, что при вышеописанном экзистенциальном понимании этика профессора – это способ его существования, и выбрать другой – все равно, что отречься от себя. Как писал М. Мамардашвили: «совесть – это то, что дано без

⁶ Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер : Питер Пресс, 2008. 240 с.

выбора»⁷. Во-вторых, предложенные дилеммы ориентируют на выбор между разными ценностными ориентациями, расположенными в рамках морали. В наших же условиях они сводятся к выбору между нравственным поведением и формальным функционированием, лишенным смысла, а потому безнравственным.

1) *Дилемма требований двух этик, профессиональной и корпоративной.* В выборе между требованиями профессиональной и корпоративной этики нет смысла выбирать корпоративную, так как наши университеты функционируют как государственные учреждения, а не как самостоятельные корпорации, определяющие свои цели и формирующие соответствующую нормативную базу. В условиях, когда факультеты один за другим отказываются от курса этики, мотивируя это поступающими из Министерства образования требованиями ввести обязательные курсы «Идеологии белорусского государства», «Истории Великой Отечественной войны» и т.п., преподаватель ощущает не корпоративную солидарность, но постоянное противоречие между интересами его профессии и интересами госкорпорации, которые имеют чисто политический характер.

2) *Дилемма профессионального успеха.* Возможность выбрать доминирующую в обществе модель денежного успеха для нас закрыта. Зарплата доцента в Беларуси никогда не поднималась даже до «средней по республике», а после весеннего кризиса 2011 г. в долларовом выражении сократилась втрое. Поэтому ориентация на этически полноценный профессионализм – единственный способ не заработать комплекс неполноценности. Занятие научными исследованиями и подготовка публикаций, поиск единомышленников и объединение вокруг себя мыслящих студентов выступают в этой ситуации как критерии успеха.

3) *Дилемма выбора критериев профессионализма.* Следовать бюрократическим критериям профессионализма не следует просто в целях сохранения рассудка. Введение «системы менеджмента качества» в условиях катастрофического падения всякого качества образования вызывает оторопь. В нашем университете эта «система» дублирует работу уже имеющихся служб и плодит бессмысленные бумаги. За год преподаватель пишет четыре отчета о своей работе, каждый из которых нужно составить по особой форме: 1) отчет за учебный год; 2) отчет по науке в конце календарного года; 3) отчет для назначения государственной надбавки за ученую степень и звание; 4) отчет, в соответствии с которым назначается внутриуниверситетский коэффициент зарплаты. Главное в том, что эти отчеты на реальную оплату труда никак не влияют. Не знаю ни одного случая, чтобы человеку не дали надбавку за степень из-за несостоятельности отчета. А внутриуниверситетский коэффициент дает совершенно незначительную дифференциацию в доходах между преподавателями. Таким образом, все эти бюрократические критерии

⁷ Мамардашвили М. К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 78

никак не мотивируют на «правильное исполнение работы», никакого «менеджмента», т.е. управления, не происходит.

Поэтому имеет смысл только исполнение работы, «правильной с точки зрения профессионально-этических ценностей научно-образовательной деятельности». А вот обсуждение дилеммы о том, какая работа может считаться правильной, представляется целесообразным. В современных условиях «институт профессуры теряет позиции интеллектуальной экспертизы, его функциональное место замещает рыночная инфраструктура с ее потребительской информационной ценностью меркантилизации знаний»⁸. Если целью студента является востребованность на рынке труда и получение лучшего рабочего места, то может ли считаться «правильной работой» элитарно ориентированная деятельность по подготовке «бескорыстных служителей науки»? Не становится ли такая деятельность не только бессмысленной, но и «неправильной» в этическом плане? Данная проблема с особой остротой проступает для преподавателей некоммерческих гуманитарных наук вообще и для преподавателей этики, в частности. Ведь этика имеет некоторые коммерческие шансы только в своем прикладном варианте, о чем свидетельствует развитие этики бизнеса, этики деловых отношений, этики корпоративной социальной ответственности и проч. При том распространяется она не столько в университетской, сколько в деловой среде.

Другой вопрос о «правильности работы» связан с массовизацией высшего образования. Классическая миссия университета утрачивает смысл не просто в силу коммерциализации процесса образования, но и под влиянием более общих социальных процессов, таких как постмодернизация, глобализация и т.п. «Образование в информационных типах цивилизаций превращается в институт регулирования скрытой безработицы среди молодежи. Наряду с традиционными для него функциями профессионализации постмодернистскому университету предписаны новые роли – усиления эффективности социальной системы, включая переподготовку и непрерывное образование»⁹. Главной задачей массового высшего образования становится социализация подрастающего поколения. Не секрет, что большинство поступающих в вуз не способно подняться на уровень научного мышления и даже просто освоить учебный материал. Является ли нравственной в этих условиях ориентация на обучение только тех, кто может учиться и на защиту высот профессии от всех «интеллектуально несостоятельных»? Или она обуславливает высокомерную и оскорбительную позицию профессора по отношению к большинству студентов? Может быть этически аргументированной

⁸ Чеснов Я.В., Селина Т.И. Топика университетского образования: философско-антропологический подход http://yanchesnov.awardspace.com/Articles/Issues_In_University_Education.htm

⁹ Там же.

является установка на поддержку всякого студента, который хочет учиться, на том уровне, на котором он способен с целью его социализации? Или такой подход следует расценивать как безнравственную уступку обстоятельствам?

4) *Дилемма механизмов формирования этически полноценного профессионализма.* И тут дилеммы не получается. Этика профессора остается принципиально личностной, никакими инфраструктурными средствами университета не подкрепляется и не нуждается в них.

Таким образом, для профессора по большому счету нет выбора: он должен выбрать себя профессором. Любая уступка в угоду корпоративной этике, денежному успеху, бюрократическим критериям профессионализма уничтожает суть профессорства как деятельности и как статуса. Поэтому следование ценностям «высокой профессии» – это способ самосохранения идентичности профессора. Но в этом позиционировании собственной сущности хочется дистанцироваться от выражения «не могу поступиться принципами». Старшему поколению слишком памятна консервативно-охранительная направленность статьи с таким названием, написанной в эпоху «перестройки». Это воспоминание навеивает впечатление, что не поступаются принципами только «вечно вчерашние», безнадежно уносимые ветром истории. Сам дискурс борьбы («отстоять позиции», «бороться с профессиональными деформациями», «противостоять безнравственности современного мира») представляется каким-то неактуальным в контексте процессов постмодернизации. Отказ от такой риторики не означает пораженчества и отказа от морали, но предполагает поиск нового морального дискурса. В пространстве публичного обсуждения мораль по-прежнему представлена либо в религиозном контексте, либо в контексте идей Просвещения. В плане формирования *современного* морального дискурса, общественное нравственное сознание существенно отстает от процессов модернизации и постмодернизации, происходящих в других сферах социальной жизни. Выработка адекватного способа говорить о современной моральности – как раз подходящая задача для профессора этики.

Предложенные в проекте дилеммы вполне могут рассматриваться как поиск новой этики. Ведь можно предположить, что отдельные лица, а то и большинство работников университета выберут корпоративную этику, коммерческую модель успеха, бюрократический критерий профессионализма и сделают ставку на укрепление собственной моральности «инфраструктурными средствами университета». На этой базе и произойдет реинституционализация этики современного университета. Такие работники уже не будут испытывать «уныния и тоски» относительно собственной деятельности, но вполне положительно осознают свою роль в системе образования и в социуме в целом. Этика профессора «вне полного алиби» в таких условиях будет невозможной и ненужной, но, возможно, этика университетского работника будет построена на базе другого категориального ряда и основана на другом

контрольно-императивном механизме регуляции. Если же хотеть быть именно профессором, то чем «нельзя поступиться», так это нравственной автономией, статусом самостоятельного морального субъекта, который только и способен воспроизводить Смысл Образования и Науки.